

С. И. Вайнштейн

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА В ЕВРАЗИИ

(1. САЯНСКИЙ ОЧАГ ОДОМАШНИВАНИЯ ОЛЕНЯ)*

Проблема происхождения скотоводства, одной из форм которого является оленеводство, относится к числу крупнейших в культурной истории человечества. Известно, что Ф. Энгельс рассматривал приручение человеком животных и последовавшие вслед за этим изменения в его хозяйственной, культурной и социальной истории как важнейшие предпосылки перехода от варварства к цивилизации¹. Если в освоенных людьми и сравнительно благоприятных для жизни степных районах Азии развитие скотоводства привело к превращению его в главную отрасль труда пастушеских племен и выделению их «из остальной массы варваров», что явилось, по мнению Ф. Энгельса, первым крупным общественным разделением труда², то приручение оленя и развитие оленеводства у народов Севера помогло им обжить исключительно суровые районы, обеспечить себя столь необходимыми здесь транспортными средствами, мясом, шкурами и другими продуктами оленеводства — единственной производящей отрасли хозяйства охотников тайги и тундры. Важную роль сыграло оленеводство и в развитии общественных отношений у народов Севера³.

Происхождению оленеводства посвящена обширная литература⁴, причем по вопросу о времени и центрах возникновения оленеводства, путях и формах его распространения высказывались различные точки зрения. Некоторые исследователи видели в оленеводстве древнейшую форму скотоводства, восходящую чуть ли не к палеолитическим традициям. Эту точку зрения развивали У. Сирелиус, В. Шмидт, В. Копперс, В. Богораз, Н. Марр, Ф. Флор, С. Киселев и другие исследователи, опиравшиеся на различные виды источников. Так, Сирелиус полагал, что в Финляндии оленеводство было известно уже в каменном веке, так как каменным веком датируются открытые там полозья нарт, а они столь широки, что, по мнению исследователя, не могли принадлежать собачьей упряжке⁵. Шмидт и Копперс считали, что оленеводство

* Вторая статья С. И. Вайнштейна на эту тему, «Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии», будет опубликована в одном из следующих номеров «Советской этнографии» (Ред.).

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 159—160, 165.

² Там же, стр. 160.

³ См.: «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970.

⁴ Основную библиографию вопроса см.: А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства, «Уч. зап. РАНИОН», т. 6, М., 1928; K. Jettmar, Zu den Anfängen der Rentierzucht, «Anthropos», Bd. 47, 48, Freiburg, 1952, 1953; G. Neilemann, Theories on reindeer breeding, «Folk», vol. 3, København, 1951.

⁵ U. T. Sirelius, Über die Art und Zeit der Zähmung des Rentieres, «Journ. de la Société Finno-Ougrienne», 33, Helsinki, 1916.

развились непосредственно из охоты на дикого северного оленя в каменном веке⁶. В. Г. Богораз связывал приручение оленя с охотой первобытного человека на северного оленя еще в мадленское время⁷. Н. Я. Марр, основываясь на анализе лингвистического материала, считал, что первым верховым животным был олень, которого значительное время спустя сменила лошадь⁸.

На этих же позициях стоял и Флор; его точка зрения заключалась в том, что разведение оленей было древнейшей формой скотоводства, предшествовавшей разведению лошадей и крупного рогатого скота⁹. Из наших соотечественников к этой теории склонялся и С. Н. Боголюбовский¹⁰, а С. В. Киселев пытался обосновать ее на археологическом материале. Киселев полагал, что найденная в Пазырыкских курганах маска оленя на коне позволяет считать, что олень предшествовал лошади как верховое животное, и в пазырыкское время на Алтае «олень под верх..., очевидно, уже не употреблялся»¹¹. В послевоенные годы концепцию возникновения оленеводства в палеолите среди зарубежных исследователей поддержал Х. Пульхаузен, следующий в этом вопросе за Флором¹². В советской науке большую древность оленеводства, впрочем с определенными оговорками, допускал также С. А. Токарев¹³.

Пульхаузен основывает свою гипотезу на палеолитических и мезолитических археологических материалах из стоянок гамбургской и аребургской культур. Он находит возможным заключить, что первая была культурой охотников на оленя, а вторая культурой спутников оленя¹⁴. Эта мысль близка к точке зрения К. Викаунда, выдвигавшего гипотезу о переходе древних охотников от постоянной охоты на отдельное стадо, за которым они двигались, до осознания этого стада своим и постепенного его приручения¹⁵.

Иную концепцию происхождения оленеводства развивал Э. Ган, разрабатывая общую теорию происхождения скотоводства из Двуречья. Он считал, что оленеводство возникло под влиянием коневодства и разведения крупного рогатого скота¹⁶. Этой же точки зрения придерживался и ряд других ученых, в том числе Б. Лауфер¹⁷, Г. Хатт¹⁸, А. Н. Максимов¹⁹, М. Г. Левин, Г. М. Василевич²⁰. Мнение о позднем развитии оленеводства разделял и Н. Н. Чебоксаров²¹.

С. П. Толстов, рассматривая проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, решительно отверг

⁶ W. Schmidt, W. Koppers, Völker und Kulturen, Regensburg, 1924.

⁷ В. Г. Богораз, Распространение культуры на земле, М., 1928, стр. 66.

⁸ Н. Я. Марр, Средства передвижения орудия самообороны и производства в доистории, Л. 1926.

⁹ F. Flor, Haustiere und Hirtenkulturen, «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», I, Wien, 1930.

¹⁰ См.: «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М.—Л., 1940, стр. 7—50.

¹¹ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1949, стр. 207.

¹² H. Pohlhausen, Nachweisbare Ansätze zum Wanderhirtentum in der niederdeutschen Mittelsteinzeit, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 78, Hf. 1, Braunschweig, 1953.

¹³ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 421.

¹⁴ H. Pohlhausen, Указ. раб.

¹⁵ K. B. Wiklund, Frageschema für die Erforschung des Renntiernomadismus, «Journ. de la Société Finno-Ougrienne», 30, 7, Helsinki, 1913.

¹⁶ E. Hahn, Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen, Leipzig, 1896.

¹⁷ B. Laufer, The reindeer and its domestication, «Memoires of the American Anthropological Association», vol. IV, № 2, Lancaster, 1917.

¹⁸ G. Hatt, The reindeer, «American Anthropologist», new series, vol. 23, Lancaster, 1921.

¹⁹ А. Н. Максимов, Указ. раб.

²⁰ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, «Сов. этнография», 1951, № 1.

²¹ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 6.

точку зрения о большой древности оленеводства и подчеркнул, основываясь на современных археологических и этнографических материалах, что оленеводство — это очень позднее историческое явление, возникшее не ранее железного века²².

Хатт, обосновывая свой вывод о сравнительно позднем времени развития оленеводства, исходил из того, что оно не достигло Северной Америки, так же как и лыжи, причем этот вывод являлся частью общей концепции ученого о береговой и материковой культурах в Северной Азии, которые в Арктике, по его мнению, были более ранними, чем культура оленеводов²³. Подобную точку зрения развивал и Биркет-Смит²⁴.

Что же касается других исследователей, то они искали связи между оленеводством народов Сибири и коневодством (животноводством) народов Центральной и Восточной Азии. Наиболее полно эти взгляды выразил М. Г. Левин в ряде работ, написанных им совместно с Г. М. Василевичем²⁵.

По вопросу о том, имеет ли оленеводство один или несколько центров возникновения, мнения исследователей расходятся.

Ю. Липперт выводил оленеводов из Скандинавии²⁶, Э. Ган полагал, что первоначальный ареал оленеводства находился в Сибири²⁷, Л. Шренк первыми оленеводами считал тунгусов²⁸, Б. Лауфер придерживался мнения, что оленеводство возникло в Саяно-Алтайской области²⁹, но не связывал этот процесс с каким-нибудь одним народом. К точке зрения Лауфера в этом вопросе был близок Г. Хатт³⁰. Максимов, принимая теорию Алтае-Саянского очага, допускал, что лопарско-скандинавское оленеводство возникло независимо от саяно-алтайского под влиянием норманнов³¹. Мнение Максимова о едином центре сибирского оленеводства поддерживали Флор³² и Богораз³³. К. Доннер склонялся к мысли, что первыми оленеводами были самоеды Западной Сибири³⁴. Наоборот, К. Викаунд считал, что все основные типы оленеводства возникли конвергентно³⁵. Теорию нескольких центров поддерживал А. М. Золотарев³⁶. Наконец, М. Г. Левин и Г. М. Василевич выдвинули гипотезу о существовании двух самостоятельных очагов одомашнивания оленя — саянского и забайкальского. Первый был связан с самодийскими, второй — с тунгусскими народами. Саянский тип возник под влиянием коневодов-тюрок, забайкальский (сибирский) — под влиянием коневодов-монголов³⁷.

²² С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 112.

²³ G. Hatt, Указ. раб., стр. 97—103.

²⁴ K. Birket-Smith, The Caribou Eskimos, «Report of the Fifth Thule Expedition», vol. V, Copenhagen, 1929.

²⁵ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Указ. раб.: их же, Олений транспорт, в кн.: «Историко-этнографический атлас Сибири», 1961, стр. 24.

²⁶ J. Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit, Bd. I—II, Stuttgart, 1886—87.

²⁷ E. Hahn, Указ. раб.

²⁸ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, СПб., 1899.

²⁹ B. Laufer, Указ. раб.

³⁰ G. Hatt, Notes on reindeer nomadism. «Memoires of the American Anthropological Association», vol. VI, № 2, 1919.

³¹ А. Н. Максимов, Указ. раб.

³² F. Flor, Указ. раб.

³³ В. Г. Тан-Богораз, Оленеводство, Возникновение, развитие, перспективы, сб. «Проблемы происхождения домашних животных», вып. 1, Л., 1933, стр. 224.

³⁴ K. Donner, Sibirien. Folk och forntid, Tammerfors, 1933.

³⁵ K. B. Wiklund, Om renkötselns uppkomst. Stockholm, 1919.

³⁶ «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», стр. 171—188.

³⁷ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение; их же, Олений транспорт; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1961, стр. 203, 204, 300.

Этнографической наукой установлено, что формы оленеводства, известные у народов Северной Евразии от Скандинавии на западе до Чукотки на востоке и от Таймыра на севере до Саян на юге, имеют ряд существенных различий в характере использования оленей (вьючное, вьючно-верховое, упряжное), в способе выпаса (с пастушеской собакой, без нее и др.), с доением и без доения оленей и т. д. В настоящее время принято выделять пять типов оленеводства: 1) лопарский тип (использование оленя под вьюк и в упряжи, доение³⁸, пастыба с собакой, знакомство с оленем-манщиком); 2) западносибирский или самоедский тип (упряжное оленеводство, олень-манщик, есть пастушеская собака, доения нет); 3) тунгусский (сибирский) тип (вьючно-верховое, с мягким седлом и без стремян, частично-упряжное, манщик, доение, нет пастушеской собаки); 4) северо-восточный тип (упряжное, использование манщика, нет пастушеской собаки); 5) саянский тип оленеводства (вьючно-верховое с жестким седлом и стремянами, доение, нет пастушеской собаки, не используется манщик). Г. М. Василевич предложила взамен тунгусского типа выделить эвенкийский тип, для которого характерно использование оленя «на мясо» и под вьюк, и ороченский тип, характеризующийся вьючно-верховым и упряжным использованием оленя³⁹.

Статья Левина и Василевич, посвященная типам оленеводства, была по существу первой работой, где была предпринята попытка решить проблему происхождения оленеводства, привлекая всю совокупность данных, характеризующих отдельные его типы. Факты, приведенные в обоснование указанной гипотезы Левина—Василевич, исключительно ценны. Однако констатируя различия саянского и забайкальского (тунгусского или сибирского) типов оленеводства и ставя вопрос о генезисе оленеводства в целом, гипотеза Левина—Василевич не разъясняет происхождения различий саянского и забайкальского типов оленеводства, хотя эти различия весьма существенны. Так, если саянские оленеводы, как отмечалось выше, салятся на оленя слева, пользуются жестким верховым седлом, аналогичным конскому, применяют стремяна, то народы с тунгусским (забайкальским или сибирским) типом оленеводства (эвены, эвенки, орочи, оленные якуты, долганы и др.) салятся на оленя справа, не знают стремян, как правило, пользуются седлом с примитивным деревянным остовом и мягкими кожаными подушками и ездят с посохом.

Если бы в способах посадки, седлания и т. п. различия существовали не только между оленеводами, но и между коневодами-тюрьками и коневодами-монголами, то происхождение подобных различий саянского и забайкальского типов оленеводства могло бы найти объяснение в рамках рассматриваемой гипотезы. Между тем именно у коневодческих народов Евразийских степей способы посадки на коня, формы упряжи и т. п. существенно не отличались. Например, все коневоды издавна садились на коня только слева, а основные нововведения в конской упряжи распространялись среди этих народов с поразительной быстротой. Изменения в упряжи происходили главным образом в процессе ее развития от более ранних форм к более поздним⁴⁰.

³⁸ Когда говорят, что лопари доят своих оленей, то это относится только к одной скандинавской группе, в то время как другие группы лопарей-скольтов (кольские и финские) оленей не доят.

³⁹ Г. М. Василевич, Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, М., 1964, стр. 3—5.

⁴⁰ Обоснование данного вывода см.: С. И. Вайнштейн, Происхождение и развитие форм седла со стремянами у народов Евразии, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1966 г.», М., 1966, стр. 44—47; его же, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3, стр. 62—74.

Для разработки интересующей нас проблемы очень важно установление хронологических рамок развития тех или иных форм оленеводства.

Соглашаясь с Левиным и Василевич в том, что упряжное оленеводство было весьма поздней формой, мы не можем не указать, что их предположение (как и других исследователей данной проблемы), что выючное и верховое оленеводство возникли одновременно, ошибочно. Так, Левин и Василевич на основе материалов, которыми они располагали, пришли к заключению, что «первоначальное транспортное использование оленя было под выюк и седло»⁴¹.

В 1956 г. на основе изучения саянского типа оленеводства с привлечением материалов по тунгусскому оленеводству нами была выдвинута концепция о первичности выючного оленеводства⁴². Эта гипотеза была поддержана в 1962 г. В. И. Васильевым, который показал, что когда эңцы расселялись по Северу, они были знакомы только с выючным, но не знали верхового оленеводства⁴³. К аналогичной точке зрения на основании материалов тунгусского оленеводства пришла в 1964 г. и Г. М. Василевич, хотя она и не ставила вопрос о сравнительной древности выючного и верхового оленеводства⁴⁴.

Остановимся на проблеме происхождения саянского типа оленеводства. Следует различать два вопроса — происхождение оленеводства в Саянах и происхождение саянского типа оленеводства, который характеризуется целым рядом рассмотренных выше специфических особенностей (наличие верхового седла со стремени, доения, определенной терминологии и др.).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, что если оленеводство в Саянах возникло еще в древности, то его саянский тип сложился сравнительно недавно, не ранее XIV в.

Нам могут возразить, ссылаясь на работу Л. Р. Кызласова, в которой он на основании деревянных изображений оленей в погребениях таштыкской культуры утверждает, что в Саянах верховое оленеводство существовало еще на рубеже нашей эры⁴⁵. Однако на этих фигурах оленей нет изображений верховых седел, в то время как узда, напоминающая конскую, но несколько усложненная, на чем мы остановимся ниже, показана очень тщательно. Нам уже приходилось отмечать⁴⁶, что хотя эти фигуры оленей могут рассматриваться как одно из доказательств существования оленеводства, но отнюдь не обязательно верхового (выючные также имеют узду); это, однако, не исключает возможности кратковременных поездок на олене верхом без специального верхового седла.

Нашему выводу, казалось бы, могут противоречить также изображения человека, сидящего на олене, которые встречаются на сибирских петроглифах. Такое изображение имеется, например, на известной Боярской писанице в Минусинской котловине, которую с известным основанием можно датировать рубежом нашей эры⁴⁷.

⁴¹ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, стр. 87.

⁴² С. И. Вайнштейн, Тувины Тоджи (историко-этнографический очерк), Автореферат канд. дис., М.—Л., 1956, стр. 7; его же, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. XXXIV, 1960, стр. 54—60.

⁴³ В. И. Васильев, Система оленеводства лесных эңцев и ее происхождение, КСИЭ, вып. XXXVII, 1962, стр. 73, 74.

⁴⁴ Г. М. Василевич, Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, стр. 7.

⁴⁵ Л. Р. Кызласов, Древнейшее свидетельство об оленеводстве, «Сов. этнография», 1952, № 2.

⁴⁶ С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении.

⁴⁷ М. А. Дзюлет, Большая Боярская писаница, «Сов. археология», 1965, № 3, стр. 128, рис. 3.

Однако нельзя признать правомерным вывод исследователя этой писаницы М. А. Дэвлет, что показанное на ней стадо оленей, сопровождаемых человеком, сидящим верхом на олене, доказывает будто бы распространение в Саянах верхового оленеводства уже в то время, когда этот сюжет был выбит на скале⁴⁸. Делая такое заключение, М. А. Дэвлет, по всей вероятности, была незнакома с тем очевидным для этнографов фактом, что пастух мог ехать верхом на олене и тогда, когда верхового оленеводства (главный признак которого специальное верховое седло) еще не существовало. Сибирская этнография дает нам много примеров езды верхом у тех групп оленеводов, у которых было лишь выючное оленеводство, например у энцев⁴⁹, некоторых групп эвенков и др. М. П. Грязновым было высказано сомнение в реальности отображенного в упомянутом петроглифе явления. Он писал: «Только в изображениях религиозного назначения, каким несомненно является Боярская писаница, в силу пережитков тотемистических представлений, реально существующие, хозяйственно-осваиваемые животные могли условно претворяться в иные образы, в данном случае в оленей»⁵⁰. Для такого заключения есть определенные основания, однако мы склонны, как и М. А. Дэвлет, видеть в рассматриваемых петроглифах отражение реального быта населения, знакомого с оленеводством.

Обратимся к материалам по оленеводству тувинцев и их предков, по поводу которых некоторые исследователи высказывали мнение, что они были первыми оленеводами Евразии (Б. Лауфер в 1917 г., В. Леймбах в 1936 г., В. Шмидт в 1951 г. и др.). Однако в обоснование этого предположения не приводилось достаточной аргументации.

Самым ранним, не вызывающим сомнений свидетельством существования верхового оленеводства у предков тувинцев, как и у других саянских народов, является сообщение русского посла Василия Тюменца Алтын-хану, относящееся лишь к XVII в.⁵¹ Но источники XIII в. говорят лишь о выючном использовании оленей для транспортных целей таежным населением Саян. Так, Рашид ад-Дин, довольно подробно описывая быт лесных племен Саян и прилегающих к ним территорий в XIII в., говорит о выючном использовании оленей (горных быков), но ничего не сообщает о верховом оленеводстве⁵². Это подтверждается «Юань-ши», где сообщается об использовании в XIII в. ханьхена — таежными жителями восточной Тувы — домашних оленей как выючных животных, но ничего не говорится о верховом оленеводстве, хотя и приведены, казалось бы, второстепенные сведения о быте оленеводов (доение оленей, виды растений, употребляемых в пищу, и др.)⁵³.

Рассмотренные указания письменных источников можно трактовать как свидетельство большой древности выючного оленеводства по сравнению с верховым в Саянах.

Эти данные согласуются с этнографическими фактами, часть из них уже приводилась в наших печатных работах⁵⁴. Отмечу лишь один неизвестный ранее факт, представляющий определенный интерес в связи с изложенной выше концепцией. У тоджинцев, как и у тофаларов, в процессе дрессировки олень не менее года используется под выюк, а лишь

⁴⁸ М. А. Дэвлет, О скотоводстве на Среднем Енисее в древности, «Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы, истории», вып. XI, 1956, стр. 169, 170.

⁴⁹ К. М. Рычков, Береговой род юраков, «Записки Западно-Сиб. отд. РГО», т. 38, 1916, стр. 175, 176; В. И. Васильев, Указ. раб., стр. 73.

⁵⁰ М. П. Грязнов, Боярская писаница..., стр. 44.

⁵¹ «Материалы по истории русско-монгольских отношений», М., 1959, стр. 61.

⁵² Рашид ад-Дин, Сборник летописей, I, М.—Л., 1952, стр. 124.

⁵³ «Юань-ши», 63 (перевод Е. И. Кычанова. См. «Изв. АН Киргизской ССР», т. V, вып. I, Фрунзе, 1963, стр. 60).

⁵⁴ См.: С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении, стр. 58—60; е го же, Тувинцы-тоджинцы, стр. 31—34.

затем для верховой езды, хотя, по признанию самих оленеводов, в этом нет особой необходимости, так как в ряде случаев олени быстро привыкают к выюку и их можно было бы седлать. На мой вопрос, почему же все-таки проходит такой срок, прежде чем оленя используют под верх, старик-тоджинец ответил: «Так надо, обычай такой у нас». Не отражает ли этот обычай путь, которым шло развитие оленеводства в Саянах?

Возникает вопрос, могли ли Саяны быть районом древнейшей доместики олени. Имеющиеся материалы позволяют ответить на него утвердительно. Поньше здесь сохранилась реликтовая саянская форма дикого северного оленя (*Tarandus gangifer sibiricus*), и в древности ареал его расселения включал этот район. Северные олени саянской (карагасской) породы являются самыми одомашненными и отличаются, по признанию специалистов, особой выносливостью, силой и большей способностью к приручению, чем все другие породы северных оленей⁵⁵.

По свидетельству тувинцев и тофаларов, и сейчас, хотя и очень редко, бывают случаи одомашнивания диких саянских оленей, в то время как исследователи решительно отвергают возможность приручения даже маленьких оленят тунгусами⁵⁶. Указанные обстоятельства в сочетании с наиболее древними свидетельствами о существовании оленеводства именно в Саянах, а также рассматриваемые ниже факты, свидетельствующие о распространении оленеводства из Саян в другие районы Северной Азии, представляются нам очень важными аргументами в пользу предположения о первоначальности доместики олени в Саяно-Алтайском районе, причем, разумеется, в его таежной зоне.

В литературе, посвященной проблеме происхождения оленеводства, господствует точка зрения о том, что в Саянах оленеводство возникло под влиянием тюрков-скотоводов. А. Максимов, например, был склонен считать, что оленеводство возникло «в качестве временного суррогата у какого-нибудь тюркского или монгольского племени, потом опять отказавшегося от оленеводства в пользу разведения крупного рогатого скота и лошадей»⁵⁷. Он же полагал, что самодийцы восприняли оленеводство в Саянах и затем распространили его на Север. Близки к этой точке зрения и М. Г. Левин и Г. М. Василевич, полагавшие, что самодийские группы саянской тайги развили оленеводство «под влиянием их тюркоязычных соседей-скотоводов»⁵⁸. Не исключая полностью такой возможности, мы все же считаем эту гипотезу маловероятной не только из-за отсутствия доказательств для ее обоснования, но прежде всего потому, что нет надобности искать традиции животноводства непременно в тюрко-монгольской среде, относя самодийцев к исконно таежным племенам охотников и рыболовов. Уместнее было бы предположить, опираясь на ряд имеющихся данных, что первоначально саянское оленеводство возникло именно в самодийской среде без непосредственной связи с тюрко-монголами. Позволим себе заметить, что традиции скотоводства могли существовать и у самодийского населения Саян. Согласно концепции происхождения самодийских народов, выдвинутой В. Н. Чернецовым, которую мы разделяем, зона формирования различных самодийских групп, грубо говоря, лежала к востоку от Иртыша до верховьев Енисея и включала не только таежные, но и степные районы. Жившие в степях самодийские группы во II тысячелетии были знакомы

⁵⁵ А. А. Машковцев, Саянский дикий реликтовый северный олень, «Доклады АН СССР», т. XXVII, 1940, № 1; С. Карцелли, Карагасский олень и его хозяйственное значение, «Северная Азия», кн. 3, 1925, стр. 87—92.

⁵⁶ Р. Мазяк, Вилюйский округ Якутской области, ч. III, СПб., 1887, стр. 154.

⁵⁷ А. Н. Максимов, Указ. раб., стр. 33.

⁵⁸ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, стр. 87.

со скотоводством, в отличие от родственных им племен, населявших тайгу, главным занятием которых были охота и рыболовство⁵⁹. Передвижение карасукских и тагарских племен в Южной Сибири, и в частности в Минусинской котловине, привело к вытеснению степных самодийцев вначале, по-видимому, в подтаежные районы, а затем и в тайгу. Можно полагать, что на границе таежных и степных районов имели место тесные контакты степных и лесных групп самодийцев; возможно, они даже жили в одних поселениях, связанные брачными узами. Наиболее вероятно, что именно здесь имела место domestикация оленя. Нельзя исключить, что первоначально олень использовался только на мясо, как и некоторые другие породы домашних животных. Впрочем, известное распространение имеет точка зрения, согласно которой первоначально олень использовался как транспортное животное. Эту точку зрения разделяет, в частности, С. А. Токарев⁶⁰. Эта гипотеза имеет определенные основания, так как таежные народы очень берегут транспортных оленей и почти не забивают их на мясо. Но думается, что такое отношение к оленю у жителей тайги возникло лишь на сравнительно позднем этапе, когда развилось транспортное использование оленя и были оценены все связанные с этим преимущества. Наш взгляд подтверждают приводимые Г. М. Василевич материалы по некоторым таежным тунгусским группам, у которых, по ее словам, «олень — живое мясо („кормленные“ олени по терминологии XVII в.)»⁶¹. Важно отметить, что такое отношение к оленю Василевич наблюдала как раз там, где транспортное использование оленя не получило достаточного развития⁶².

Можно полагать, что вместе с дальнейшим продвижением в тайгу самодийских групп, знакомых со скотоводством и domesticiровавших оленя, постепенно развивается его транспортное использование под выюк. Оленеводство не было четко дифференцировано от скотоводства. Вероятно, некоторое время в одних совместно живущих группах сосуществовали и скотоводство, и оленеводство. Не этим ли можно объяснить загадочную, на первый взгляд, картину поселка на знаменитой Большой Боярской писанице⁶³, где мы видим рядом крупный и мелкий рогатый скот, свойственный степнякам, и стада оленей — обитателей тайги.

На этом этапе еще не была известна современная оленья узда, точнее недоуздок, состоящий из петли (обороти) на морде и назатылочного ремня, к которым прикрепляется один конец ремня-повода. Такой недоуздок с небольшими вариантами характерен ныне для всех оленеводов Евразии. Оленья узда в то время еще подражала конской, несколько впрочем усложненной, за счет перемещения подбородочного ремня и дополнения затылочного ремня, как это мы видим на оленях из Сырского чаатаса⁶⁴. Причем повод отходил не от лобной части оброти, как у современного оленьего недоуздки, а от места скрепления ремней переносья и подбородочного, т. е. в передней части морды, подобно конскому поводу. Такое «конское» расположение повода устанавливается по уникальному наскальному изображению всадника на олене, датируемому

⁵⁹ Точка зрения В. Н. Чернецова на происхождение самодийцев, изложенная в общих чертах выше, известна нам из его устных сообщений. Некоторые взгляды по данному вопросу изложены В. Н. Чернецовым в его докладе «К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности» (Congressus internationalis finno-ugristarum Budapestini Raditis, 20—24.X.1960. Budapest, 1963).

⁶⁰ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 421.

⁶¹ Г. М. Василевич, Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, М., 1964, стр. 4.

⁶² Там же.

⁶³ М. А. Дэвлет, Большая Боярская писаница, рис. 3, стр. 128.

⁶⁴ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., рис. 7.

рубежом нашей эры и расположенном на открытой нами Сындзюреской писанице в Туве⁶⁵ (фото будет приведено во второй части статьи).

Конструкция специализированного оленьего вьючного седла, которое известно нам по современным этнографическим материалам, очевидно также была изобретена далеко не сразу. Вероятно, в начале специального вьючного седла еще не было и его заменяло примитивное приспособление из шкур и веток, укреплявшихся на спине оленя, быть может в какой-то мере сходное с древним лопарским вьючным седлом, описанным Шеффером⁶⁶. Нечто подобное иногда использовали и тувинцы-оленьеводы, когда не было вьючного седла. У некоторых групп подкаменно-тунгусских и верхнеленских эвенков и поныне вьючное седло иногда заменяется куском сложенной шкуры⁶⁷.

Этот этап в развитии оленеводства хронологически может быть связан с I тысячелетием до н. э., т. е. с тем временем, когда происходят крупные перемещения населения в Южной Сибири и племена скотоводов степей продвигаются в тайгу. У нас нет никаких оснований связывать фиксируемые здесь археологические культуры скотоводов эпохи бронзы и скифского времени с тюркской этнической средой. Проникновение тюрков в Присянье, по-видимому, имело место не ранее последних веков I тысячелетия до н. э.

В I тысячелетии н. э. продолжается освоение оленя для транспортных целей (под вьюк). Вероятно, к тому времени уже было известно специальное вьючное седло, появилась упомянутая выше упрощенная форма оленьего недоуздка. Оленеводство становится специализированной формой скотоводства, связанной с развитием хозяйственно-культурного типа охотников-оленьеводов тайги, и получает широкое распространение в таежной зоне. Самодийское население Саян частично покидало этот район, переселяясь на Север, вынуждаемое к этому давлением продвигавшихся сюда тюркских групп, которые вызвали также движение кетских племен в Саянах. Но, как позволяют судить имеющиеся источники, заселявшие саянскую тайгу тюркские группы сохраняли еще в I тысячелетии н. э. коневодческие традиции и не были знакомы с оленеводством, известным в самодийской среде.

Позволим себе привести ряд фактов, как нам представляется, подтверждающих изложенную точку зрения. Этнически родственные уйгурам племена туба (дубо) — жители саянской тайги — во второй половине I тысячелетия н. э. оленеводства не знали. «Тан-шу» рисует дубо как гаяжных жителей-коневодов⁶⁸. Никаких упоминаний об оленеводстве у туба в «Тан-шу» нет (между тем известно, что многие факты из быта туба, приводимые в «Тан-шу», подтверждаются этнографическими материалами). Раскопанные нами в восточносаянской тайге (Тоджа) поминальные каменные курганы, по всей вероятности, относящиеся к племенам туба, содержат кости лошадей, и в них совершенно отсутствуют кости оленей⁶⁹.

О правомерности вывода, что самодийцы развили оленеводство в собственной этнической среде, а не под влиянием тюрков-коневодов, как полагали многие наши предшественники, в том числе А. Максимов, М. Г. Левин, Г. М. Василевич и др., может свидетельствовать крайне

⁶⁵ См.: С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 226.

⁶⁶ J. Schefferus, Histoire de la Lapone..., Paris, 1678, p. 180.

⁶⁷ Г. М. Василевич, Эвенки, Л., 1969, стр. 98.

⁶⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, стр. 349.

⁶⁹ См.: С. И. Вайнштейн, Археологические раскопки в Туве в 1955 году, «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. IV, Кызыл, 1956, стр. 33—41; его же, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении, стр. 59, 60.

важный факт — полное отсутствие в самодийской оленеводческой терминологии тюркских заимствований, в то время как у позднейших тюрко-оленоводо́в мы находим самодийские параллели.

Другой наш вывод, что продвигавшиеся на Север самодийские племена были знакомы с вьючным седлом, но не знали верхового, также находит свое подтверждение в ряде фактов. Так, сохранились ненецкие предания о том времени, когда человек ходил за оленями, но на них не ездил. Одно из таких преданий приводит В. Н. Чернецов⁷⁰. Г. Д. Вербов, побывавший у лесных ненцев в 30-е годы, отметил существование у них вьючного оленеводства и отсутствие верхового⁷¹. У селькупов, по данным Г. Н. Прокофьева, оленеводство отличается от тунгусского⁷²; они знают вьючные седла 'paksat'⁷³ (ср. ненецкое название вьючного седла 'rohoso'⁷⁴), но у них нет верховой езды.

Это, конечно, не исключает, как мы уже указывали, что в отдельных случаях олень с вьючным седлом мог использоваться для кратковременной верховой езды. Вероятно, этим можно объяснить сообщение И. Георги о том, что «самоеды» ездят на оленях верхом⁷⁵, а также сообщение Г. Д. Вербова о том, что он застал у лесных ненцев стариков, помнивших о езде верхом на оленях (без верховых седел)⁷⁶.

На рубеже I и II тысячелетий н. э. начался третий этап в развитии саянского оленеводства — освоение его тюркскими группами под влиянием самодийских народов, находившихся с ними в тесном контакте.

На большую древность оленеводства в среде самодийцев-оленоводо́в по сравнению с тюрками-оленоводо́дами указывает, в частности, сопоставление их народных календарей. Так, в календаре тувинцев-оленоводо́в, основанном на годовом хозяйственном цикле, нет никаких указаний на его связь с оленеводством⁷⁷, а в календарях самодийских народов, в том числе ненцев, такая связь определенно имеется, причем в названиях отдельных месяцев имеются даже прямые указания на домашнее оленеводство — факт, впервые отмеченный Л. В. Хомич⁷⁸. Например, 'тынич' — месяц отела домашних оленей; 'ты' — домашний олень⁷⁹.

Тюркские племена коневодов, продвигаясь и осваивая саянскую тайгу, заимствовали у лесных племен вместе с оленеводством некоторые элементы их оленеводческой культуры, в особенности те элементы упряжи и способы пастьбы, содержания оленей, которые существенно отличались от известных в практике коневодов, так как были более приспособлены к оленеводству. К таким заимствованиям может быть отнесен своеобразный «башмак», одевавшийся на ноги оленям и неизвестный коневодам. Характерно, что его тюркское название у тоджинцев и тофаларов 'тахан' является, по-видимому, искаженной формой самодийского названия (подобное приспособление у энцев носит название 'бокан', у ненцев 'вока').

На этом этапе тюрки-коневоды с их традициями скотоводства, приспособляясь к условиям жизни в горной тайге, внесли в заимствованное у самодийцев оленеводство ряд новых черт. Важенок начали

⁷⁰ В. Н. Чернецов, Древняя приморская культура на полуострове Ямал, «Сов. этнография», 1935, № 4—5, стр. 126.

⁷¹ Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, «Сов. этнография», 1936, № 2, стр. 64.

⁷² Г. Д. Прокофьев, Остяки-самоеды Туруханского края, «Этнография», 1928, № 2, стр. 100.

⁷³ Фонды МАЭ, кол. 3871-9; Г. Н. Прокофьев, доставивший это седло, отмечал, что оно кладется на середину спины, как и саянском оленеводстве, в отличие от тунгусского.

⁷⁴ По данным Т. Лехтисало (см.: Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966, стр. 96).

⁷⁵ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, СПб., 1799, стр. 8.

⁷⁶ Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, стр. 64.

⁷⁷ См.: С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства, стр. 39.

⁷⁸ Л. В. Хомич, Ненцы, стр. 39, а также примеч. 81.

⁷⁹ Там же.

дойть⁸⁰, а позднее перенесли на оленя навыки верховой езды и начали использовать для этих целей жесткое конское седло со стремянами. Заключение о том, что доение оленей началось лишь на позднем этапе развития саянского типа оленеводства, можно сделать на основании известного факта отсутствия доения оленей у самодийских народов. Упомянутые источники («Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Юань-ши») свидетельствуют о том, что важенки начали доить раньше, чем развилось верховое оленеводство. Ряд терминов, сохранившихся в языке саянских тюрков-олeneводоов, отражает процесс освоения тюркскими группами оленеводства. Нами уже отмечалось выше, что ездовой олень у тувинцев носит название 'куудай' т. е. серый конь ('тай' — конь в тувинском и ряде других тюркских языков), у тофаларов важенка называется 'инген', что в ряде тюрко-монгольских языков означает «верблюдица». Число подобных примеров можно было бы увеличить. Все термины, связанные с седлом, у тюрков-олeneводоов тюркские и, как известно, само верховое седло аналогично конскому, а вьючное оленьее седло имеет специфические особенности, отличающие его от применяемого коневодами. Учитывая изложенное, можно тип вьючного седла саянских оленеводов называть самодийским, а верхового — тюрко-монгольским.

У саянских оленеводов бытует еще один вид седла — «эримээш» с крестообразными луками. Такое седло предназначено для перевозки детей в колыбели. Вопрос о происхождении «детского» седла у саянских оленеводов достоин особого внимания. Это седло распространено только у тувинцев-олeneводоов, тофаларов и дархатов-олeneводоов. В отличие от остальной упряжи, связанной с верховой ездой, «эримээш» не имеет параллелей у соседних скотоводческих тюрко-монгольских народов. Такого седла нет ни у степных тувинцев, ни у хакасов, ни у бурят, ни у монголов. Нет его и у других оленеводческих народов Сибири. Более того, и у тувинцев-олeneводоов и у тофаларов это седло применялось только как оленьее седло, но не использовалось для перевозки детей на лошадях, хотя у тувинцев-олeneводоов и у тофаларов есть наряду с оленьими лошади и верховые олени седла употребляются одновременно как конские.

Все это, казалось, позволяет думать, что «эримээш» — реликт древних форм оленеводства, не имеющего прямых связей с коневодством и возникшего независимо от него. Однако изучение форм селел у других народов Евразии позволило найти параллели к «эримээш», как это ни парадоксально, у скотоводов Средней Азии — киргизов, а также некоторых групп казахов⁸¹.

Детское верховое конское седло киргизов и казахов также состоит из двух плоских деревянных полок, перекрещивающихся составных деревянных Х-образных луков с округлыми наконечниками, и скрепляется кожаными ремешками⁸². Оно и называется также «эримээш».

Народы, населяющие пространства, разделяющие саянских оленеводов, киргизов и казахов, — степные тувинцы, алтайцы, хакасы — не знают такого седла. Чем же можно объяснить столь любопытное этнографическое явление?

⁸⁰ Большинство исследователей (Б. Лауфер, Г. Хатт, А. Максимов и др.) считают доение оленей сравнительно поздним явлением. Это несомненно так, но у саянских оленеводов, судя по приведенному выше свидетельству «Юань-ши», доение оленей предшествовало возникновению верхового оленеводства и развилось, по-видимому, в процессе освоения самодийского оленеводства тюрками.

⁸¹ См.: С. И. Вайнштейн, К вопросу о происхождении оленеводства (об одной параллели в материальной культуре киргизов и саянских оленеводов), «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 360—362.

⁸² К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР, Фрунзе, 1962, рис. 85а.

Конвергентное развитие в данном случае исключено, так как конструкция седел совпадает даже в отдельных не несущих функциональной нагрузки деталях. Следовательно, остается предположить, что в прошлом у тех народов, которые эти седла имеют, был контакт, допускавший заимствования. В настоящее время между саянскими оленеводами и среднеазиатскими киргизами и казахами огромное расстояние. Но в прошлом, как свидетельствуют исторические источники, предки среднеазиатских киргизов жили на Енисее в непосредственном соседстве с племенами Саян. Причем енисейские киргизы (хягасы) были в контакте с таежным населением Саян, а следовательно, вполне возможно, что это седло также ведет свое происхождение от культуры коневодов-тюрок. То обстоятельство, что такое седло не известно ни одному из самодийских народов, наводит на мысль, что оно получило применение в оленеводческой среде лишь на третьем этапе вместе с освоением оленеводства тюряками.

Рассмотренные нами выше письменные источники позволяют прийти к выводу, что переход от выючного к выючно-верховому оленеводству произошел у таежного населения Саян в период между XIV и XVI вв. Вероятно, к XVI в. сложились все основные черты, характерные для саянского типа оленеводства, достаточно хорошо известные нам по современным этнографическим материалам⁸³.

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF REINDEER-BREEDING IN EURASIA.

PART I. THE SAYAN MOUNTAIN AREA AS THE REGION WHERE THE REINDEER WAS FIRST DOMESTICATED.

The Sayan type of reindeer-breeding developed in three main stages. The first stage is that of the domestication of the reindeer, probably by the Samodian tribes of the Sayan—Altay taiga. Cattle-breeding traditions played a certain role in this process; these were brought by Samodian tribes which penetrated the taiga from the steppe and the forest-steppe region where they had been in contact with the steppe Bronze cultures. At the second stage the transition is effected to the predominant use of the reindeer in transportation as a pack-animal. The pack-saddle is introduced; this has survived among the Sayan reindeer-breeders up to our times. Reindeer-breeding becomes a specialized form of economy connected with the evolution of the cultural type of taiga hunters and reindeer-breeders; it becomes widely diffused. The Turkic groups who penetrated into the Sayans had not yet taken up reindeer-breeding. This stage continues up to the end of the 1-st Millenium A. D. During the third stage Turkic-speaking groups of horse-breeders who settled in the Sayan region turn to reindeer-breeding for pack transportation, riding and milking. In the course of formation of the Sayan type of reindeer-breeding Sayan Turkic groups loaned from their Samodian neighbours the specific traits of their reindeer culture. By the XIV—XVI centuries this type took the form which is familiar to us from ethnographical material.

⁸³ См. С. И. Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы*, стр. 37—66; его же, *Происхождение и историческая этнография тувинского народа*, М., 1969, стр. 18—20.